

УДК 02.15.21, 02.15.51

О ТЕХНИЧЕСКОЙ ФОРМЕ РОДОВОЙ ВОЛИ

¹Федяев Д. М.

¹ ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14), e-mail: fedyaev@omgpu.ru

Согласно В. И. Вернадскому, ключевым фактором ноосферы является наука – знание рода. Техника является силой рода. Есть основания считать, что техника реализует не только силовую, но и волевую функцию, что особенно характерно для постиндустриальной эпохи. Современная техника не столько удовлетворяет потребности, сколько формирует их. Нередко в ходе разрешения внутритехнических противоречий открываются новые возможности потребления. Они реализуются в новых технических средствах. Сначала они кажутся чем-то необычным, но вскоре начинают восприниматься как совершенно необходимые. Организация технически оснащенной деятельности остается такой же, как в индустриальную эпоху: выработка элементарных операций и их последующее комбинирование. Но в наши дни аналогичный принцип организации все более и более проникает в духовную деятельность. Таким образом, оказывается, что техника задает вектор культуры.

Ключевые слова: ноосфера, техносфера, род, знание, сила, воля, культура, индустриальная эпоха, постиндустриальная эпоха, элементарная операция, производство, потребление.

ABOUT TECHNICAL FORM OF GENERATION WILL

Fedyaev D. M.¹

¹ Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia (644099, Omsk, Naberezhnaya Tukhachevskogo, 14), e-mail: fedyaev@omgpu.ru

According to V. I. Vernadsky the key factor of noosphere is science – knowledge about generation. Technology is the generation's power. It is grounded that technology realizes not only powerful but also volitional function that is the feature of post industrial era. Contemporary technology not so much satisfies a need as forms it. It often happens that while solving technical inner contradictions new ways of using them appears. They are realized in new technical means. At first they seem to be unusual but soon they are taken as a necessity. Management of technically equipped activity is the same as in industrial era: working out elementary actions and their combining. Nowadays the similar principle of management is penetrating into mental domains. Thus it appears that technology introduces culture vector.

Key words: Noosphere, technosphere, generation, knowledge, power, will, culture, industrial era, postindustrial era, elementary action, production, using.

Как известно, В. И. Вернадский, разрабатывая концепцию ноосферы, признал наиболее существенным, «сферообразующим» фактором науку. Его выбора нельзя не признать философски основательным. Согласно Л.Фейербаху, наука есть знание рода. «В жизни мы имеем дело с индивидами, в науке – с родом» [5, 30]. Любое научное открытие имеет автора, но, будучи сделанным, оно становится достоянием всего человечества, включаясь в качестве элемента в единое родовое знание. Наука как знание рода свидетельствует о наличии неразрывности, о сфере как целом. Но в силу той же логики вполне правомерным является понятие техносферы. Техническое изобретение – продукт творческой мысли конкретного человека в определенной культурной среде, так же, как и научное открытие, становится

достоянием человечества, одной из составляющих силы рода. Даже если его пытаются скрыть, тайное рано или поздно становится явным. В. И. Вернадский не пользовался понятием техносферы, возможно, полагая тем самым, что сила должна быть безусловно подчинена разуму [4]. Если же человечество располагает родовым знанием (наукой) и родовой силой (техникой, при помощи которой преобразуется среда обитания), то нетрудно заметить, что «номенклатура» не вполне завершена, ибо знание и сила нуждаются в воле. Гипотетическая родовая воля может быть признана элементом ноосферы (рассуждая в духе В.И. Вернадского, включавшего технику в ноосферу), или же, можно сказать, что к двум имеющимся сферам следует добавить еще одну – сферу родовой воли. По крайней мере, в этом направлении шло развитие обеих концепций ноосферы – В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена. В. И. Вернадский не раз возвращался к размышлениям о том, каким именно должно быть проявление человечества как единого целого, чтобы взаимодействие природы и общества могло стать оптимальным. Ему представлялось, что оно может быть воплощено в едином для всей планеты всемирном государстве.

Согласно П.Т. де Шардену (искренне верующему христианину-католику), сфера нуждается в волевом центре, который он называет точкой «Омега», или просто Омегой. Суть Омеги во всеобщей любви, ведущей к объединению. Это самая фундаментальная из форм страсти – та, которая низвергает один за другим элементы и объединяет их в целое под напором замыкающегося универсума. Всеобъемлющая любовь, согласно П. Т. Шардену, единственно полный и конечный способ, которым мы можем любить. Итак, всемирное государство (разумеется, гуманное, действующее на научной основе из самых лучших побуждений) и всеобъемлющая любовь – два варианта завершения теории ноосферы, два пути реализации идеи родовой воли.

Исторический опыт двадцатого столетия (да, пожалуй, и начала двадцать первого) не дает оснований сожалеть о незавершенности ноосферы или (другими словами) о том, что в «комплекте» сфер недостает сферы родовой воли в тех формах, которые рисовали создатели концепции: как оказалось, самые тяжелые последствия может дать именно деятельность, направленная к единой цели в гигантских масштабах, даже из самых лучших побуждений, во имя любви к человечеству. К тому же научное знание, как известно, всегда исторически ограничено, а ориентация науки на истину не исключает наличия заблуждений. Поэтому слишком масштабная практическая реализация научных представлений того или иного рода, направляемая единой волей, может дорого обойтись.

На наш взгляд, функцию родовой воли в наше время осуществляет техника, причем делает это исподволь, малозаметно, но эффективно. Современную эпоху часто называют постиндустриальной. Одной из сущностных характеристик «постиндустриализма» является

относительно небольшое количество людей, занятых в области техники и материального производства (сравнительно с индустриальной эпохой). Тем не менее, есть основания утверждать, что а) именно техника задает общему движению некую направленность; б) в постиндустриальном обществе не только продолжают, но усиливаются тенденции, характерные для общества индустриального, причем в более изощренных формах.

Правда, критики техники и технизации человеческой жизни постоянно говорят о том, что техника – всего лишь средство. Это действительно так, но средство вполне «способно» превращаться в цель. Субъект трудовой деятельности, совершенствуя инструментарий (средство), руководствуется не только тем, что человеку-потребителю чего-то «не хватает», но и очевидным для него несовершенством самого инструментария. Эта особенность целеполагания была зафиксирована еще Гегелем в его версии средства как существенной детерминанты цели. Совершенствование инструментария формирует новые возможности потребления.

Достаточно долго активность средства (в данном случае – роль техники как генератора потребностей) сдерживалась и сглаживалась ценностными установками социумов, склонных к строгому следованию традициям. Так, в Средние века техническая деятельность, как и все прочие виды деятельности, формировалась в русле стремления к точному воспроизведению раз найденных образцов – изделий, технологии, образа жизни. На пути развития потребностей переломным моментом стала промышленная революция. Во-первых, машинное производство привело к резкому повышению производительности труда, во-вторых, техносфера обрела системное строение. Если до этого момента несовершенство отдельных элементов совокупного технического средства могло компенсироваться дополнительными затратами живого труда, то машина своей производительностью устранила эту возможность. Углубление разделения труда усилило взаимозависимость различных фаз материального производства, а развитие транспорта придало техносфере неразрывную целостность. Процесс технической эволюции начал совершенно явно и очевидно детерминироваться внутритехническими реалиями: субъект технически оснащенной деятельности стремится к разрешению технических противоречий и устранению всякого рода диспропорций в технических системах. В ходе этой деятельности обнаруживается интересная закономерность. Если один из элементов технической системы (неважно, что это – отдельный прибор или энергосистема страны) в каком-то смысле «отстает», человек индустриальной эпохи сделает все, чтобы уравнивать его с другими. Если в результате приложенных усилий ранее отстающий элемент не сравняется, а опередит другие, что вполне возможно, человек даже не подумает его «осадить», а приложит усилия к тому, чтобы все прочие элементы оказались «не хуже» и т. д., так что, раз начавшись,

совершенствование уже не прекращается. Трудно сказать, следует ли здесь в качестве объяснения апеллировать к человеческой жадности, или же его к творческой сути, или просто к природе человека, но на уровне фактов процесс развития техники выглядит именно так.

В ходе совершенствования открываются возможности создания новых технических средств или же выработки новых функций. Для решения нестандартных проектных задач оказывается необходимым новое знание. Нередко с этой целью проектировщик оказывается вынужденным «пройти» по всей цепи «проектирование – техническое знание – фундаментальное знание». Решение познавательных задач, особенно задач фундаментального характера, иной раз открывает возможности, которые не предвиделись в начале пути. Остается всего лишь сформировать соответствующие потребности. Х. Ленк справедливо отмечает, что «часто только после обнаружения каких-то продуктов, процессов или процедур в ходе систематического поиска разрабатывается их применение или открывается, создается или даже навязывается новая «потребность», которая может быть удовлетворена только с помощью уже имеющего место технического достижения» [3, 987].

Высказывание Х. Ленка относится к современной ситуации, но ее основы заложены в ту же индустриальную эпоху. Машинное производство породило кризис перепроизводства всеобщего характера. Для его преодоления (после многих драматических коллизий) были найдены меры, адекватные по сей день. Во-первых, зарплата рабочих, первоначально ничтожная, выросла до такой степени, что они превратились в полноценных потребителей, увеличив тем самым емкость рынка. Во-вторых, ассортимент и эксплуатационные характеристики предметов потребления (прежде всего – бытовой техники) начали стремительно расти. В-третьих, началась систематическая эксплуатация символического содержания предметов потребления. Дело в том, что полезность вещи и отражение этой полезности в глазах потребителя могут существенно отличаться друг от друга. В его глазах вещь зачастую не только чему-то служит, то есть за вещью в ее материальном бытии стоит некоторая символическая смысловая нагрузка – знак принадлежности к особой группе, отображение «престижного» стиля жизни. Символизация предметов потребления обеспечивается союзом дизайна и рекламы. Она ведет к быстрой смене поколений предметов потребления, подкрепляя и усиливая расширение ассортимента и совершенствование реальных технических характеристик вещей, которыми мы пользуемся в повседневной жизни.

Новые возможности потребления, порожденные внутренней логикой технической эволюции, вначале иной раз представляются почти фантастическими, но и привыкание происходит быстро, так что через какое-то время (весьма незначительное) предмет

потребления, еще вчера бывший экзотическим, начинает восприниматься как нечто совершенно необходимое, без чего вообще нельзя жить. Бабушки тех, кому сегодня около шестидесяти, не могли мечтать о телевизоре, поскольку ничего не знали о его существовании, но, чтобы представить современную бабушку, не пользующуюся телевизором, нужно иметь совсем уж пылкое воображение. Еще два десятилетия назад в России никто не страдал от отсутствия сотовой связи. Сегодня же внезапно «севшая» батарея сотового телефона вызывает раздражение и неудобство. С замечательной точностью зафиксировал эту особенность взаимоотношений человека с техникой еще Александр Блок. В 1905 году он написал: «И вот – в столовых и гостиных, / Над грудой рюмок, дам, старух, / Над скукой их обедов чинных – / Свет электрический потух». Спрашивается, давно ли он там загорелся? Но поскольку это случилось, исчезновение света – уже трагедия. Приходится жить в совершенно невыносимых условиях: «К чему-то вносят, ставят свечи, / На лицах желтые круги, / Шипят пергаментные речи, / С трудом шевелятся мозги». Как же им еще шевелиться при свечах? А между тем именно при свечах гремели блестящие балы, описанные Львом Толстым, творилась «Феноменология духа», «Фауст» и многое другое, что почти невозможно перечислить. Потребность обнаружена или навязана, привычка сформирована, а тем временем открывается новая возможность, появляется новый предмет потребления и т.д.

Механизм быстрого продвижения по пути практической реализации технических новинок и их многочисленных модификаций, успешно «действующий» по сей день, был найден еще в ходе промышленного переворота. Его предпосылкой была мануфактура, разделившая труд на элементарные операции – простые и совершенные, что способствовало специализации и оптимизации орудий труда. Элементарные операции, сложившиеся в мануфактуре, а также последовательность их выполнения овеществляются и тем самым закрепляются в машинном производстве. В дальнейшем совершенствование технологии связано с выработкой новых элементарных операций и тем самым с развитием разделения труда, например, операций транспортировки предмета труда и управления его процессом. Элементарная «базовая» операция не допускает вариативности, но самая ее частичность, фрагментарность предполагает возможность многочисленных комбинаций, наподобие возможности строительства самых разнообразных зданий из стандартных блоков. Ограниченный набор операций открывает возможность создания многих технических средств и использования множества самых разнообразных технологий.

Характер взаимодействия сфер производства и потребления заставляет вспомнить о некоторых понятиях теории регулирования. Как известно, любая система устойчиво работает, если в ее структуре предусмотрена отрицательная обратная связь. Каждый может

вспомнить хотя бы рисунок из школьного учебника физики, изображающий регулятор Уатта. Если скорость вращения начинает превышать номинальную, регулятор уменьшает подачу пара, и скорость снова становится нормальной. Примерно то же самое происходит и в электрической, и в любой другой системе. Но, если в силу каких-то неисправностей отрицательная обратная связь превращается в положительную, ни к чему хорошему это не ведет: поезд сходит с рельсов, электронная схема «самовозбуждается», электрическая машина «идет вразнос» прямо к «круговому огню», после чего ее остается только выбросить. Правда, система «общество – природа» оказалась значительно прочнее электрической машины. Допустим, что субъект потребления в чем-то нуждается. Ему это предлагают и еще нечто сверх того. Он потребляет и первое, и второе, а тем временем ему внушают, что он не должен обходиться без чего-то третьего. Он с готовностью потребляет и третье, но уже снова хочет новенького. Новенькое предлагается в избытке и т.д. Не случайно идеология прогресса, согласно В. Зомбарту, является технической по своей природе: техника, ориентированная на потребление – та сфера, в которой совершенствование идет непрерывно.

Считается, правда, что в постиндустриальную эпоху идея прогресса уже не столь популярна, что человечество разочаровалось в своей способности проектировать будущее, но разочарование относится, прежде всего, к грандиозным проектам социально-политического характера. Что же касается потребности предпринимательски активной части общества в получении прибыли, а следовательно, интенсивном расширении рынка, – она остается неизменной, и процесс идет по отработанной схеме – от технической возможности к формированию потребности, превращению ее в необходимость, затем к новым возможностям и т. д.

Более того, постиндустриальная эпоха перенесла принцип расчленения деятельности и последующего комбинирования элементарных операций в сферы, далекие от техники и производства, например, в литературу и киноискусство. История литературы, театра и кино, наращивая сюжетное богатство, накопила более чем достаточный запас ситуаций, сюжетов, «поворотов темы», гарантирующих строго определенное, предусматриваемое авторами эмоциональное воздействие на читателя и зрителя, достаточно простых и элементарных, живо напоминающих операции трудовой технически оснащенной деятельности, воздействие которых на предмет труда предопределено. Их свободной комбинации в области литературы мешает лишь реальность как таковая и реализм как жанр. Попробуйте дать волю фантазии в жанре реализма, и немедленно найдутся критики, которые скажут, что ничего *такого* не было или не может быть! Первым достойным ответом критикам стало появление жанра научной фантастики: кто может сказать, что может или не может быть где-нибудь на «Альфа-Центавре», или «в далеком созвездии Тау-Кита». Но все же и он не дает полной

свободы: всегда найдутся ученые зануды, которые скажут, что, например, быстрее скорости света летать нельзя или что-нибудь в том же духе, ограничивающее свободный полет творческой мысли. Наконец, радикальный ответ критикам был дан жанром «фэнтези»: в Среднеземье или ином подобном месте может происходить все, что угодно, а потому ничто не мешает свободно комбинировать элементарные операции в их литературной форме. Жанры триллера, детектива, женского любовного романа не столь свободны, но и в них осуществляются все те же многочисленные комбинации раз найденных и многократно проверенных элементов. В искусстве кино аналогичные возможности открыл жанр сериала: одни и те же «повороты темы» многократно дублируются с незначительными вариациями, образуя всякий раз новые наборы.

Весьма характерно и то, что в социально-гуманитарных сферах деятельности вырабатываются всякого рода «технологии», стремительно усваивается технический язык. Самый термин «технология» расширяет свое содержание. В первоначальном смысле он означает описание последовательности трудовых операций, необходимых для превращения предмета труда в продукт и самый процесс, соответствующий описанной последовательности. В современных же работах технология превращается в универсальный термин, характеризующий дух эпохи. Эволюция термина отображает реальные процессы. Занимается ли некто продвижением политических деятелей по лестнице власти, или же подготовкой будущих эстрадных «звезд», или же иной подобной деятельностью, целостная деятельность дробится на последовательность операций, каждая из которых «оттачивается» и реализуется в свою очередь, определенную технологией, иначе говоря – используется машинный по своему происхождению принцип, воплощенный не в «железе», а в живой деятельности. И точно так же, как в материально-вещной сфере, формируются потребности и производится удовлетворяющая их продукция.

Никто не управляет процессами производства и потребления в их совокупности, никто не планирует их в том смысле, в каком понималось управление и планирование в нашей стране в годы советской власти, но социальные институты без всякого «общего руководства» организуются таким образом, что система «производство-потребление» работает бесперебойно, обеспечивая прибыль. Общее движение настолько обезличено, что в ряде случаев выявление некоего лица (автора) приобретает самостоятельную и весьма высокую ценность. Как показывает, к примеру, Ж. Бодрийяр, при оценке произведений живописи «становится крайне необходимым обозначать этого субъекта как такового, указывая одновременно на произведение как объект этого субъекта: в этом-то и заключается функция подписи, именно из этой необходимости она извлекает свою современную привилегию» [1, 132].

Вопросы о том, куда мы, собственно, идем и как долго можно идти так, как мы идем сегодня, становятся все более актуальными, но не имеют определенных ответов. Своеобразная оценка возможных перспектив следует из работ Б. И. Кудрина, убедительно показавшего, что техническая эволюция аналогична эволюции живой природы как в плане общих закономерностей, так и в плане результатов, так что биоценозы и техноценозы организованы, в принципе, одинаково, а для их описания может быть применен один и тот же математический аппарат [2]. Последователи Б. И. Кудрина распространили его идеи на другие виды деятельности. Из этой аналогии следует вывод, что человек, создающий искусственную среду обитания и живущий в ней, независимо от своих намерений, действует в принципе как природа, или, иначе говоря, действует по-божески. Вывод звучал бы вполне оптимистично, если бы в эволюции живого не было тупиковых линий.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Академический проект, 2007. – С.132.
2. Кудрин Б. И. Техноценоз // Глобалистика: Энциклопедия. – М.: Радуга, 2003. – С. 1012–1014.
3. Ленк Х. Техника // Глобалистика: Энциклопедия. – М.: Радуга, 2003. – С.987.
4. Ноосфера // Современный философский словарь / Под общ. ред. д.ф.н. профессора В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – С.458-461.
5. Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т.2. – С.30.

Рецензенты:

Денисов С. Ф., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии, Омский государственный педагогический университет, Омск.

Нефедова Л. К., д.ф.н., доцент, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск.